

УДК 94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/2

# **ИСТОКИ МИФА О СОЗДАНИИ ГАЛИЦКОГО КНЯЖЕСТВА ВЕНГЕРСКИМ КОРОЛЕМ ИШТВАНОМ II ДЛЯ СВОДНОГО БРАТА БОРИСА КАЛМАНОВИЧА**

**М.К. Юрасов**

Институт российской истории РАН  
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19  
E-mail: mihail\_yurasov@mail.ru

## **Авторское резюме**

Источники не сохранили достоверной информации о возникновении в Галиче отдельного княжеского стола. В то же время Великопольская хроника содержит туманные сведения о некоем Коломане, которого Болеслав III Кривоустый и не названный по имени венгерский король назначили «королем» над галичанами. Из этих сведений Й.-Х. Энгель в конце XVIII в. придумал историографический миф о создании Галицкого княжества специально для Бориса Калмановича (ок. 1114 – ок. 1156) – внука Владимира Мономаха, не признанного отцом претендента на венгерский престол. Хотя концепция Энгеля явно служила интересам Габсбургов, претендовавших на все «венгерское наследство», она опиралась на тот текст русских летописей, который был переведен на немецкий язык И.Б. Шерером, где не было никаких сведений о ранней истории Галича.

**Ключевые слова:** Галицкое княжество, Венгерское королевство, средневековая Польша, Великопольская хроника, венгерско-польские отношения.

# THE ORIGIN OF THE MYTH ABOUT THE CREATION OF THE GALICIAN PRINCIPALITY BY THE HUNGARIAN KING STEPHEN II FOR HIS STEP-BROTHER BORIS KALMANOVICH

**M.K. Yurasov**

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

19 Dmitry Ulyanov Street, Moscow, 117036, Russia

E-mail: mihail\_yurasov@mail.ru

## **Abstract**

There is no reliable information about the origin of the Galician Principality. The Wielkopolska Chronicle contains vague information about a Coloman, who was appointed the “King” of the Galicians by Bolesław III Wrymouth and some unnamed Hungarian king. J.-H. Engel used this information in the late 18th century to create a historiographical myth that the Galician Principality was created especially for Boris Kalmanovich (c. 1114 – c. 1156), a grandson of Vladimir Monomakh and an unrecognized claimant to the Hungarian throne. Although Engel’s theory obviously served the interests of the Habsburgs, who claimed all the “Hungarian heritage”, it was based on the Russian Chronicles translated into German by I.B. Scherer that contained no information about the early history of Galicia.

**Keywords:** Galician Principality, Hungary Kingdom, Medieval Poland, Wielkopolska Chronicle, Hungarian-Polish relations.

Туманные свидетельства Великопольской хроники, автора которых установить невозможно, дали австрийскому историку Йоганну-Христиану Энгелю (1770–1814) повод создать отраженный в названии настоящей работы историографический миф. В 27-й главе этой хроники после фраз, посвященных передаче сыну короля венгров Калману в качестве приданого Спишской «каштелянии», можно прочитать: «Коломана же совместно с венгерским королем назначил королем над галичанами и повелел его короновать. А при коронации король Болеслав из-за своей доверчивости был обманут хитрым венгерским королём...» (Великая хроника 1987: 95)<sup>1</sup>, после чего следует эпизод об обмене Спишской «каштелянии» на Перемышльскую. С точки зрения внутренней хронологии Великопольской хроники, это событие должно было произойти около 1123–1124 гг.

Если буквально понимать процитированную информацию, получается, что Болеслав III Кривоустый, помимо передачи своему

венгерскому зятю «в качестве приданого» Спишской «каштелянии», вместе со сватом создал для Калмана на русских землях Галицкое «королевство», причем в его власти было отдать приказ о коронации своего зятя. Разумеется, все это не имеет никакого отношения к реальной политической ситуации, сложившейся в Юго-Западной Руси во время правления Болеслава Кривоустого (1102–1138).

Прежде всего, сам Болеслав III, несмотря на то что польские хронисты называют его королем, так и не добился официальной коронации и признания за ним королевского титула, поэтому говорить о том, что он мог своей волей даровать кому-то еще королевскую корону, по меньшей мере некорректно. Кроме того, само предположение о распространении иноземной власти на Юго-Западную Русь в первой четверти XII в. не имеет под собой никаких оснований. Все гипотезы такого рода, встречающиеся в трудах зарубежных историков XVIII–XIX вв., опираются на факты участия польских и венгерских армий в междоусобиях русских князей в названное время.

Действительно, как раз в 1123 г. состоялся поход венгерского войска к Владимиру-Волынскому, целью которого было возвращение «отчинного» владения Ярославу Святополковичу, лишенному в 1118 г. волынского княжения, после того как он отослал от себя свою третью супругу – внучку Владимира Мономаха<sup>2</sup>. При этом ранние летописи по-разному называют страну, в которую бежал Ярослав в поисках помощи. Если в Лаврентьевской летописи написано, что он бежал «в Ляхы» (Польшу), то в Ипатьевской летописи – в «Оугры» (Венгрию)<sup>3</sup>. Из этого следует, что изгнанный князь искал военной помощи у правителей обеих стран, добившись ее сначала у Болеслава III Кривоустого, а затем у Иштвана II.

В ходе этого конфликта полякам удалось в 1122 г. организовать похищение перемышльского князя Володаря Ростиславича, вскоре освобожденного за большой выкуп. Это событие послужило одним из оснований для сформировавшегося в польской средневековой хронистике тезиса о принадлежности Перемышля к исконным владениям Пястов, однако, поскольку этот город все-таки вошел во второй трети XII в. в созданное Владимиром Володаревичем в 1141 г. Галицкое княжество, хронистами был создан миф о том, что Пясты потеряли эту важную крепость на русско-польском пограничье в результате лукавых действий венгерского короля, описанных в 27-й главе Великопольской хроники.

Вопреки реальной истории возникновения будущей Галиции, появившейся на политической карте Руси в результате длительного процесса борьбы за объединение в одну волость территорий, которые смогли удержать в своих руках потомки Ростислава Владимировича –

сына самого старшего из сыновей Ярослава Мудрого, умершего раньше отца, в конце XVIII в. в немецко-австрийской исторической науке возник миф о том, что Галицкое княжество было создано специально для Бориса Калмановича его покровителями – государями Венгрии и Польши. Если не считать темный рассказ Великопольской хроники, где Борис не упоминается, то впервые этот миф встречается у Й.-Х. Энгеля в «Истории Галича и Владимира». Одну из глав этого труда он озаглавил так: «Галич, возникший между 1123 и 1127 гг., возвышается благодаря своему князю, венгерскому принцу Борису» (Engel 1792: 98–102).

По мнению Энгеля, Борис, будучи близким родственником киевского князя Святополка Изяславича (что также является мифом), после смерти последнего (1113) находился при дворе его сына – волынского князя Ярослава, вместе с которым бежал в Польшу в 1118 г. Поскольку Ярослав искал военной помощи в Польше и Венгрии, у Энгеля получается, что Борис смог добиться признания не только у Болеслава III, но и у своего сводного брата Иштвана II (Engel 1792: 93–94), в результате чего непризнанный сын венгерского короля Калмана Книжника стал основателем Галицкого княжества, переданного ему в «удел» в 1129 или 1130 г. (Engel 1792: 10, 111). При этом историк ссылается на информацию польского хрониста Богухвала (т. е. Великопольской хроники), который явно перепутал Бориса с венгерским принцем Калманом, сыном Андраша (Эндре) II, занимавшим галицкий княжеский стол в 1214–1221 гг. с перерывом.

Основное внимание в рассматриваемой главе уделено описанию событий 1123 г., связанных с безуспешной попыткой Иштвана II вернуть волынский стол Ярославу Святополковичу. В 1124–1125 гг. ушли из жизни Василько и Володарь Ростиславичи<sup>4</sup>. Произошедшие вследствие этого изменения в политической ситуации в Юго-Западной Руси Энгель описывает так: «После смерти обоих братьев, Володаря и Василька, в 1124 г. мы не видим в русских летописях в течение длительного времени ничего о судьбе городов Перемышля и Теревовля, и мы вынуждены привлекать польские анналы. Наиболее вероятным представляется в следующие после 1124-го годы пребывание Бориса на галицком княжении и его торжественная коронация; тем более что, согласно биографу св. Конрада, епископа Зальцбургского, король Стефан был как раз в 1127 г. в Червонной Руси<sup>5</sup>. Мог ли Борис получить непосредственно титул правителя этой страны и каких она была размеров? Это не представляется неопределяемым. Кажется, Перемышль Стефан все же мог удержать для себя самого, поскольку Болеслав хотел вознаградить себя за

понесенный ущерб крепостцами Спиша, а в будущем – Перемышлем» (Engel 1792: 101–102).

Так объясняет возникновение Галицкого княжества Й.-Х. Энгель. В дальнейшем изложении истории Галича австрийский историк датирует время правления Бориса в Галиче 1123–1135 гг. (Engel 1792: 107). Этому периоду исследователь посвящает специальную главу в рассматриваемом сочинении, правда, затрагивая в ней лишь те события, которые произошли после 1129 г. (Engel 1792: 111–119)<sup>6</sup>. По сути дела, он пытается связать свой миф о том, что Борис Калманович был зятем Болеслава III, с реальными событиями, приведшими к ухудшению венгерско-польских отношений во второй половине 20-х гг. XII в. При этом, в соответствии с политической целью своего исследования – показать активное проникновение венгров в Юго-Западную Русь уже в то время, одним из ярких примеров которого является создание венгерским королем Галицкого княжества, историк представляет факты в таком свете, что будущие Галиция и Волынь были до второй трети XII в. зависимыми от Венгрии и Польши землями, даже окраинами владений Арпадов и Пястов.

Вот как начинает Й.-Х. Энгель главу о судьбе венгерского принца Бориса, когда он занимал галицкий стол: «Если кому из князей счастье принесло сверхкняжескую власть, так это достойному сожаления Борису. Как бастард он родился и вырос в Киеве. После смерти своего деда он был отовсюду изгнан вместе с Ярославом, бывшим князем Владимира. Он быстро взлетел одним махом из грязи; Болеслав, великий правитель Польши, назвал его своим зятем, и Стефан II определил ему в наследство окраинное королевство, но при этом и правление в Галиче. В стороне от двух могущественных родственных покровителей и соседей его трон казался местом безопасного отдыха» (Engel 1792: 111).

Далее Энгель повествует об избрании Иштваном II в качестве наследника престола своего двоюродного брата – ослепленного герцога Белу, что, по мнению историка, было главной причиной ухудшения отношений между Польшей и Венгрией: «Болеслав признал это вероломством, и его внимание к зятю значительно возросло. Уже в 1130 г. он хотел наказать его и отобрать область Спиш, выделенный им зятю апанаж; однако Стефан II воспротивился завоеванию; тогда Болеслав удовольствовался тем, что взял взамен этого Перемышль в качестве вознаграждения. Когда после этого Стефан II в 1131 г. уже закончил свои дни, Болеслав попытался всеми силами добыть своему зятю венгерскую корону» (Engel 1792: 112).

Так австрийский историк объясняет причины конфронтации между правителями Польши и Венгрии в рассматриваемое время. При этом

он не просто опирается исключительно на польские средневековые хроники, но и выбирает из них только те сведения, которые подкрепляют его концепцию об основании Галицкого княжества на окраине владений Арпадов специально для Бориса Калмановича. Между тем в «Польской истории» Яна Длугоша (1415–1480), хорошо известной Й.-Х. Энгелю, можно найти наиболее обстоятельное изложение событий, на самом деле приведших к польско-венгерскому противостоянию в конце 20-х – первой половине 30-х гг. XII в., если их сопоставить с известием Композиции венгерских хроник XIV в. и сведениями об Иштване II, содержащимися в «Житии св. Конрада», архиепископа Зальцбургского.

Как свидетельствует Длугош под 1127 г., во время междоусобной войны между сыновьями перемышльского князя Володаря Ростиславича каждый из них «обратился к помощи извне, Владимир – к паннонцам, Ростислав – к русским<sup>7</sup>. Поскольку венгры пришли к Владимиру на помощь, о которой тот просил, Ростислав, получив помощь от киевского князя Мстислава, а также от Григория и Ивана Васильковичей<sup>8</sup>, выступил против Владимира» (Щавелева 2004: 153, 305). «Житие св. Конрада» сообщает, что послы зальцбургского архиепископа в том же году не нашли Иштвана II на основной территории Венгерского королевства, поскольку он находился в «Русской марке» (Vita Chonradi 1854: 74) – скорее всего, к северу от верхнего течения Тисы, где сходились владения Венгрии и Польши с окраинами древнерусских земель. Что же касается Венгерского хроникального свода, то он свидетельствует о разорении посланным Иштваном II войском польских пределов через три года после неудачной попытки короля вернуть Ярославу Святополковичу владимирское княжение, т.е. в 1126 г. (Chronici Hungarici 1937: 439).

На основании сопоставления всех этих сведений исследователи делают вывод о том, что причиной резкого ухудшения отношений между польским и венгерским государями стало активное вмешательство Иштвана II в междоусобную войну Владимира и Ростислава Володаревичей. Оказание помощи Иштваном Владимиру имело серьезные политические причины, являясь выражением неприязни к Мономаху и его роду, унаследованной венгерским королем от отца Калмана Книжника (1095–1116). Поскольку киевский князь Мстислав Великий (1125–1132) – тогдашний глава Мономашичей – выступил на стороне Ростислава, Владимир Володаревич естественным образом получил поддержку от Иштвана II<sup>9</sup>. Ход боевых действий между братьями Володаревичами не выявил безоговорочного победителя, в связи с чем возникла опасность вмешательства в конфликт Болеслава III Кривоустого на стороне коалиции, возглавлявшейся киевским князем.

Для предотвращения похода польского войска в Юго-Западную Русь Иштван II и совершил нападение на юго-восточные окраины владений Пястов (Фонт 2004: 89).

Таким образом, нет никаких оснований связывать ухудшение отношений между Иштваном и Болеславом с решением венгерского короля назначить наследником престола своего слепого двоюродного брата Белу (будущий Бела II, 1131–1141) в обход сводного брата Бориса. Последний вообще не играл никакой роли в изменении характера взаимоотношений между Польшей и Венгрией в рассматриваемое время. Только стремлением помочь австрийскому двору обосновать историческими «фактами» претензии на владение Галицией – якобы бывшей окраиной владений Арпадов – можно объяснить создание Й.-Х. Энгелем мифа о Борисе как первом галицком князе. При этом австрийский историк в изложении ранней истории Галича не обращает внимание на сведения русских летописей, оставаясь в рамках легенд, сочиненных или записанных польскими средневековыми хронистами.

Если же обратиться к раннему русскому летописанию, то первые сведения о Галиче содержатся в известии Ипатьевской летописи под 6649 (1141/1142) г.: «Сего же лѣта преставися у Галичи Василковичъ Иванъ, и прия волость его Володимерко Володаревичъ; сѣде во обою волостью, княжа в Галичи»<sup>10</sup>. Из этих известий, в достоверности которых вряд ли можно сомневаться, следуют выводы о том, что княжеский стол в Галиче появился не позднее 1141 г., а с того самого года исследователи датируют возникновение Галицкого княжества, ставшего центром объединенной Владимиром Володаревичем в одну большую волость Юго-Западной Руси. Любые попытки представить Галич до названного года значительным политическим центром, как и Владимира Володаревича – крупным политиком, лишены серьезных оснований. Все это стало реальностью не ранее 1141 г.

При этом мы не вправе обвинять Й.-Х. Энгеля в том, что он сознательно игнорировал известия Ипатьевской летописи под 6649 г. Он о них попросту не знал, поскольку в доступном ему переводе на немецкий язык Радзивилловской летописи, сделанном И.Б. Шерером, отсутствуют сведения о Галиче ранее 6652 (1144/1145) г. Это обстоятельство, с точки зрения современных исследователей, должно было побудить Энгеля к более критическому отношению к известиям польских хронистов о Галицком «королевстве», однако он, в соответствии с духом и политическими потребностями своего времени, постарался восполнить недостаток информации русских летописей легендарными сведениями польских хронистов, вплетенными в созданную им хронологическую канву ранней истории Галиции.

Если представлять себе историю Юго-Западной Руси до 1141 г. в том ракурсе, в каком видел ее Энгель, то в нее вполне вписывается идея о том, что названный регион был окраиной Венгерского королевства, в чем можно увидеть причину того, почему о нем ничего не пишут русские летописцы до указанного года. Поскольку археологические исследования Галича в то время еще не начались, у ученых не было возможности получить какие-то иные сведения о его ранней истории, кроме данных письменных источников. А, как известно, чем меньше данных источников, тем шире открывается простор для различных гипотез, которые трудно проверить.

Не останавливаясь на описании Й.-Х. Энгелем событий 1132–1134 гг., в которых, по его мнению, Борис принимал участие в качестве галицкого князя, приведем цитату из двухтомного труда историка, в котором он объясняет причины потери Борисом Галицкого княжества: «Теперь оказалось, что благодаря его слишком частому отсутствию народ был доведен им до запущенного состояния; или потому что вспыхнула ненависть к полякам, также из-за него как польского союзника; достаточно того, что он был изгнан родственными ему князьями. Он бежал с женой к своему тестю Болеславу, и его враги предвидели, что Болеслав примет его как своего». Далее Энгель подводит свое повествование к событиям, связанным с разорением Вислицы (Engel 1792: 64), отданной неким знатным «паннонцем» в руки Владимира Володаревича в 1135 г., о котором пишут многие польские хронисты, начиная с Винцентия Кадлубка (1160/1161–1223).

Историографический миф о том, что Борис стал основателем Галицкого княжества, поддерживали некоторые польские и венгерские историки конца XIX – начала XX в., опиравшиеся на те же источники, которыми пользовался Й.-Х. Энгель (обзор мнений: Gorski 1876: 64). На невозможность княжения Бориса Калмановича где бы то ни было до 1128 г., когда ему пошел 15-й год, указал С.П. Розанов, добавив, что к названному году «в Галичской земле, можно сказать, уже царил энергичный, воинственный и властолюбивый Владимирко Володаревич, не считавшийся ни с кем и ни с чем, что не соответствовало его личным взглядам. С 1126 г., года смерти его старшего брата Ростислава, он поставил своей задачей объединить в своих руках всю Галицкую землю...» (Розанов 1930: 651).

Мнение Розанова не отражает ситуацию тех лет, о которых он пишет, и относится скорее к 1140-м гг., когда Владимир Володаревич уже объединил в своих руках все владения, составлявшие наследство его отца и дяди, и неоднократно проявлял своеволие по отношению к соседям и киевскому князю. Также представляется сомнительной столь ранняя дата смерти Ростислава Володаревича, которую историк

ничем не обосновывает. Тем не менее сама по себе точка зрения о невозможности Бориса княжить в одной из галичских волостей, безусловно, верна.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1. На языке оригинала: «*Quem Colomanum una cum rege Ungarorum Halliciensibus in regem prefecerat ipsum coronari facientes. Cuius coronatione rex Boleslaus prout erat credulus per regem Ungarorum dolose...*» (МРН. NS 1970: 39).

2. См. об этом: ПСРЛ I 1997: Стб. 292; ПСРЛ II 1998: Стб. 285.

3. Там же.

4. Ипатьевская летопись относит смерть обоих Ростиславичей к 6632 (1124/1125) г. (ПСРЛ II 1998: Стб. 288–289). Присоединяюсь к мнению А.В. Назаренко, датирующего смерть Володаря Ростиславича 19 марта 1125 г. Эта дата указана в «Польской истории» Яна Длугоша и представляется вполне достоверной. См.: Щавелева 2004: 418–419, прим. 271.

5. Здесь Й.-Х. Энгель указывает в сноске, что выражением «в Червонной Руси» он переводит фразу «Жития св. Конрада» «*in Marchia Ruthenorum*» (Engel 1792: 101). Естественно, такое толкование весьма спорно и вряд ли соответствует действительности. Поскольку Червонная Русь представляла собой горную область на русско-польском пограничье, которую в 1018 г. присоединил к своим владениям польский князь Болеслав I Храбрый (992–1025), после чего она стала на несколько веков предметом территориальных споров между русскими и польскими князьями, нахождение здесь Иштвана II представляло для него серьезную опасность, тем более что польско-венгерские отношения в то время были на грани кризиса. Более реальным представляется мнение М. Фонт, считающей, что король Иштван в 1127 г. охотился в пограничной области Венгрии, примыкавшей к Юго-Западной Руси, откуда в том же году он напал на польские владения с целью помешать Болеславу Кривоустому вмешаться в междоусобную войну Ростислава и Владимира Володаревичей. См.: Фонт 2004: 89.

6. Хотя в названии данной главы указаны 1129–1135 гг., в конце ее приводится информация и о последних годах жизни Бориса Калмановича.

7. Паннонцами авторы латиноязычных средневековых сочинений называли венгров, заселивших бывшую римскую Паннонию, а под русскими в данном случае следует понимать жителей Русской земли «в узком смысле», являвшейся ядром, вокруг которого возникло

Древнерусское государство. Согласно А.Н. Насонову, оно охватывало земли будущих Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств (Насонов 1951: 32–33. Карта).

8. Григорий и Иван Васильковичи были двоюродными братьями, развязавшими междоусобную войну Володаревичей, и имели волости в Юго-Западной Руси.

9. В современной украинской историографии распространено мнение, согласно которому женой Владимира Володаревича была представительница рода Арпадов. Это никак не подкреплено сведениями источников. Венгерского короля называет тестем Владимира Володаревича только В.Н. Татищев, да и то лишь во второй редакции своего многотомного труда, где на порядок больше домыслов и амплификаций, чем в первой. Подробнее об этом см.: Юрасов 2007.

10. ПСРЛ II 1998: Стб. 308.

## ЛИТЕРАТУРА

Великая хроника - «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Под ред. В.Л. Янина; сост. Л.М. Попова, Н.И. Щавелева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Насонов 1951 - Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.

Розанов 1930 - Розанов С.П. Евфимия Владимировна и Борис Коломанович. Из европейской политики XII в. // Известия АН СССР. Отд. гуманитар. наук. Л., 1930. № 8. С. 585–599; № 9. С. 649–671.

ПСРЛ I 1997 - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. [Репр.]. М.: Языки русской культуры, 1997.

ПСРЛ II 1998 - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. 2-е изд. [Репр.]. М.: Языки русской культуры, 1998.

Фонт 2004 - Фонт Марта. Венгерско-русские политические связи в XII веке (1118–1199) / Пер. В.П. Шушарина; под ред. М.К. Юрасова // Центрально-европейские исследования. Вып. 2: Венгры и их соседи по Центральной Европе в Средние века и Новое время (Памяти В.П. Шушарина). М., 2004. С. 86–115.

Щавелева 2004 - Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длugoша (Книги I–VI) / Под ред. А.В. Назаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

Юрасов 2007 - Юрасов М.К. Была ли жена Владимира Володаревича венгеркой? // «Слово о полку Ігоревім» та його доба. Матеріали міжнародної науково-теоретичної конференції. Галич, 2007.

Chronici Hungarici - Chronici Hungarici compositio saeculi XIV / Ed. A. Domanovszky // *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum* / Edendo operi praefuit E. Szentpétery. Budapestini: Academia Litter. Hungarica atque Societate Histor. Hungarica in partem impensarum venientibus Typographiae Reg. Universitatis Litter. Hung. sumptibus, 1937 [Repr. 1999]. Vol. I. P. 217–505.

Engel 1792 - *Engel Johann-Christian*. Geschichte von Halitsch und Wladimir bis 1772. Wien: bey Franz Jakob Kaiserer, 1792. Bd. I.

Gorski 1876 - *Gorski Kazimierz*. Borys. Ustęp z dziejów XII wieku // *Przewodnik naukowy i literacki*. R. IV. Lwów, 1876. S. 63–82, 148–164.

MPH. NS. T. VIII - *Monumenta Poloniae Historica. Nova series – Pomniki Dziejowe Polski. Seria II. T. VIII. Kronika Wielkopolska* / Wyd. B. Kürbis. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970.

Vita Chonradi - *Vita Chonradi archiepiscopi Salisburgensis* / Ed. G.H. Pertz // *Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Hannoverae*, 1854. T. XI.

## REFERENCES

Yanin, V.L. (ed.) (1987) “*Velikaya khronika*” o Pol’she, Rusi i ikh sosedyakh XI–XIII vv. [The Great Chronicle about Poland, Rus and their neighbours in the 11th–13th centuries]. Moscow: Moscow State University.

Nasonov, A.N. (1951) “*Russkaya zemlya*” i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva [The “Russian land” and formation of the Old Russian State]. Moscow: USSR AS.

Rozanov, S.P. (1930) Evfimiya Vladimirovna i Boris Kolomanovich. Iz evropeyskoy politiki XII v. [Euphemia of Kiev and Boris Kolomanovich. From the European policy of the 12th century]. *Izvestiya AN SSSR*. 8. pp. 585–599.

Karsky, E.F. (ed.) (1997) Lavrent’evskaya letopis’ [The Laurentian Codex]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury.

Shakhmatov, A.A. (ed.) (1998) Ipat’evskaya letopis’ [The Hypatian Codex]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. 2nd ed. Moscow: Yazyki russkoy kul’tury.

Font, M. (2004) Vengersko-russkie politicheskie svyazi v XII veke (1118–1199) [Hungarian-Russian political relations in the 12th century (1118–1199)]. Translated by V.P. Shusharin. In: Islamov, T.M., Stykalin, A.S. & Yurasov, M.K. (eds). *Vengry i ikh sosedi po Tsentral’noy Evrope v Srednie veka i Novoe vremya* [Hungarians and their neighbours in Central Europe during the Middle Ages and Modern era]. Moscow: The Institute of Slavic Studies. pp. 86–115.

Shchaveleva, N.I. (2004) *Drevnyaya Rus’ v “Pol’skoy istorii” Yana Dlugosha* [The Old Rus in the “Polish history” by Yan Dlugosh]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Yurasov, M.K. (2007) [Was the wife of Vladimir Volodarevich a Hungarian?]. *"Slovo o polku Igorevim" ta yogo doba* ["The Tale of Igor's Campaign" and Its Epoch]. Proc. of the International Conference. Galich.

Domanovszky, A. (ed.) (1937) *Chronici Hungarici compositio saeculi XIV*. In: Szentpétery, E. (ed.) *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Budapest: Academia Litter. Hungarica atque Societate Histor. Hungarica in partem impensarum venientibus Typographiae Reg. Universitatis Litter. Hung. sumptibus. Vol. 1. pp. 217–505. (In Latin).

Engel, J.-C. (1792) *Geschichte von Halitsch und Wladimir bis 1772* [History of Halych and Vladimir until 1772]. Vol. 1. Vienna: Franz Jakob Kaiserer.

Gorski, K. (1876) Borys: Ustęp z dziejów XII wieku [Boris: A paragraph in the history of the 12th century]. *Przewodnik naukowy i literacki*. 4. pp. 63–82, 148–164.

Kürbis, B. (ed.) (1970) *Monumenta Poloniae Historica*. Series II. Vol. 8. Warsaw: Państwowe wydawnictwo naukowe.

Pertz, G.H. (ed.) (1854) *Vita Chonradi archiepiscopi Salisburgensis* [The life of Conrad, Archbishop of Salzburg]. In: *Monumenta Germaniae historica. Scriptores*. Vol. 11. Hannover: [s.n.].

**Юрасов Михаил Константинович** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Россия).

**Yurasov Mikhail** - Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Russia).

**E-mail:** mihail\_yurasov@mail.ru